

Ardabayev Saken

Перегонщик

18+

Ardabayev Saken

Перегонщик

«Автор»

2026

Saken A.

Перегонщик / A. Saken — «Автор», 2026

Альтернативная история человека . переигравшего историю. Основываясь на знании будущего он строит свой мир.

© Saken A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ardabayev Saken

Перегонщик

Глава

Глава 1

Я расставил удочки и почти сразу рухнул на матрас. В голове мутило. «Перебрал», лениво отметил я, как будто это что-то объясняло. Недавний стресс не отпускал. Он вьелся в меня, как ржавчина в металл. Я сам был не ангел, но измена жены всё равно ударила точно в солнечное сплетение. Я всегда считал, что она моя опора. Всё было «для неё»: внимание, забота, деньги, тело, секс через день как будто этого достаточно, чтобы удержать человека рядом. А оказалось нет. Она выбрала другого. Моего же рабочего. Молодого, наглого, живого. Видимо, в нём было то, чего я уже давно не замечал в себе. Самое мерзкое она не играла роль жертвы. Она жила так, будто это нормально. Улыбалась мне, ложилась рядом, принимала мою заботу и параллельно отдавала себя другому. Мысли крутились, как рваная плёнка. Я вспоминал, как сам создавал её заново: клиника, операции, тело, которое я вылепил по своему вкусу. Грудь, живот, лицо, даже интимная коррекция я собирал её, как проект. Как будто любовь можно вырезать скальпелем. И всё равно этого оказалось недостаточно. Раздался резкий писк сигнализатора. Клёв. Резкий, почти спасительный сигнал выдернул меня из этой внутренней ямы. Я вскочил, шатаясь, схватил удилище. И в тот же момент удар. Живая сила на том конце лески была чужой, яростной. Рыба не сдавалась. Она тащила меня за собой, будто знала, что я на грани. Я вышел на мосток, сжимая удилище так, что побелели пальцы. Леска звенела, как натянутая нервная система. Подсак лежал у края. Я наклонился и мир резко дёрнулся. Рывок. Не рыба будто сама реальность дёрнула меня вниз. Я не успел даже вдохнуть. Вода приняла меня без звука. Холод был не просто холодом он был исключением. Будто кто-то выдернул из тела питание. Руки не слушались. Ноги не искали опоры. Внутри не было паники только странное, вязкое спокойствие. И в этой тишине мелькнула мысль: «Вот это сон» Но вместо темноты стук. Ритмичный, металлический. Как сердце огромной машины. Я открыл глаза. Потолок низкий. Металл. Вагон. Поезд. Слишком реальный, слишком чужой. Люди вокруг спали, но их лица казались неуместными, как маски, забытые после спектакля. Я попытался пошевелиться и тело ответило иначе. Лёгкость. Чужая, почти пугающая. И тут резкое осознание тела, утренний импульс, животная реальность, которая не должна была здесь быть. Я опустил взгляд. Армейские штаны. Майка. Руки молодые. Жёсткие. Без следов той жизни, которую я помнил. Я сел медленно, будто боялся спугнуть реальность. Живота не было. Вообще. Только сухие, чёткие мышцы, как у человека, который не просто живёт а выживает. Я провёл ладонью по прессу. Кубики были настоящими. И в этот момент я понял: это не сон. И это точно не моя жизнь. Поезд чуть качнуло. И где-то в темноте вагона кто-то тихо, почти неслышно, произнёс моё имя. «Злыдень... весь пол испачкал. Теперь за ним убирать. Что за жизнь я что, уборщица? Я проводница» Мысль ударила в голову, как чужая. Я резко замер. Это была не моя мысль. Но она звучала внутри меня чётко, с интонацией, с раздражением. Я открыл глаза. Вагон. Тусклый свет. Люди спят. Всё как будто нормально. «Сон... опять сон», подумал я и закрыл глаза. И тут же снова: «Проводница достала, старая даже чай пожалела» Я дёрнулся. Нет. Это не сон. Я открыл глаза снова. Тишина. И только за дверью купе шаги. Медленные, уверенные. Скоро станция! Туалет закрывается! раздался голос проводницы. И в этот момент тело предало меня. Животный импульс, тупой и неудобный. Я даже не успел выругаться. Встать невозможно сверху, с полки, меня бы увидели все. «Да вставай уже» снова мысль. Но не моя. Чужая. Я сел резко. И вдруг понял: тело лёгкое. Слишком лёгкое. Сильное.

Как будто меня вытащили из другой жизни. Я спрыгнул вниз. И это было странно не падение, а почти полёт. «Вот это сон» мелькнуло в голове. Но просыпаться уже не хотелось. Я накинул брюки и пошёл по вагону. Каждый шаг будто не по полу, а по натянутой струне реальности. Туалет оказался пуст. Я закрыл дверь. Зеркало. Секунда и меня ударило. Оттуда смотрел я. Но не я сегодняшней. Моложе. Лет на двадцать, а то и больше. Моё лицо, но выточенное, собранное заново. Это бред прошептал я. Я включил воду, умылся, почистил зубы. Мысль одна: если сейчас это не сон я либо сойду с ума, либо уже сошёл. И тут снова: «Только бы успеть скоро станция» Чужая мысль, спокойная, деловая. Я замер с руками на раковине. Я слышу мысли прошептал я вслух. И сам испугался собственного голоса. Надо было выйти. Я вышел и сразу столкнулся с очередью. Люди недовольны, ворчат. Чего встал-то. Купе занял. Я стоял в майке и армейских брюках, как будто меня выдернули из другого времени. Да он с Афгана, что ли сказала женщина в очереди. И в тот же момент её губы не совпали со словами. Я видел одно. А слышал другое. «Бедный натерпелся...» Я резко моргнул. Нет синхронизации. Рот говорит одно. Мысли другое. Проводница взяла меня за руку. Чаю будешь? И губы её шевелились. Потом не шевелились Слова шли прямо в голову .А мой то сын попал в стройбат .вот повезло. Я застыл. Вы что сейчас сказали? спросил я. Она улыбнулась. И вдруг пространство будто сдвинулось. Гул вагона стал глубже. Тяжелее. Реальнее. Проходи, сынок. Вот твоё купе, сказала она уже обычным голосом, но глаза остались странными. Я вошёл. Трое внутри. Смотрят на меня слишком внимательно. С Афгана? спрашивает женщина. Я киваю. И сразу ловлю: «Молодой совсем, живой пришел и целый» Я откидываюсь на сиденье. И понимаю главное. Я не просто в чужом теле. Я слышу то, что люди думают. А иногда их мысли начинают звучать громче, чем их слова. И хуже всего было другое: один мальчик напротив смотрел на меня молча. И его мыслей не было вообще. «Я так сойду с ума» подумал я. И тут же понял: это уже происходит. Мысли вокруг меня не просто звучали они жили. Кружились, как рой. Липкие, чужие, навязчивые. Они падали в голову, как дождь, и собирались в тяжёлую лужу, из которой невозможно выбраться. Я зажмурился. Попытался отстраниться. Закрыл уши. Бесплезно. Они лезли внутрь, как будто я больше не принадлежал самому себе. Я открыл глаза. Потолок. Нет не потолок. Полка сверху. Поезд. Рядом человек в халате. Врач. Как чувствуешь себя, солдат? спокойно спросил он. Я моргнул. Нормально, ответил я. Голос звучал уверенно, даже слишком. Лежи, лежи, сказал доктор. На следующей станции сойдём. Там больница. Я резко сел. Нет, сказал я твёрдо. Я вернусь домой. Доктор замолчал. Медленно кивнул. И в этом кивке было что-то неправильное. Поезд дёрнулся и остановился. Двери вагона открылись. Вошли двое санитаров. Спокойные, уверенные. Слишком уверенные. Они двинулись ко мне. Не подходите, сказал я тихо. Они не остановились. Тогда я резко поднялся. Рывок и один из них отлетел в сторону. Второй попытался схватить я ударил, не думая. Всё происходило как будто само. Всем лежать! рявкнул я. И в этот момент увидел лицо доктора. Испуганное. Растерянное. Да он бешеный прошептал кто-то. Нет он с Афгана. ответил другой голос. И вдруг мысли снова ударили в голову: «Там все психи после войны» Я сжал зубы. Нет. Это не я. Это не про меня. Я слышу их. Я не один. Я еду домой, сказал я уже тише, но твёрдо. И никто меня не остановит. Слышите? И в этот момент появилась проводница. Она вошла так, будто всё это обычная сцена в обычном поезде. Оставьте мальчишку, сказала она спокойно. С войны едет. Нормальный он. Медики замерли. Доктор ещё раз посмотрел на меня. И медленно отступил. Я сама доведу. И родителям сдам, добавила она. Санитары переглянулись и вышли. Дверь закрылась. Поезд снова тронулся. И в вагоне стало тихо. Слишком тихо. Потому что теперь я точно понял одну вещь: они поверили ей. А я нет.

Глава 2

Но чувство опасности, выработанное на войне, не отпускало меня. Я заставил себя успокоиться. «Всё. Спокойно. Я контролирую ситуацию.» Я забрался обратно на свою полку и больше никого не трогал. Лежал и слушал. Слешал бурю мыслей . про себя и про других . И

не мог контролировать их ни как. Ждал. Ночь прошла тяжело, вязко, как будто поезд ехал не по рельсам, а по моим нервам. И только под утро я решился. На небольшой станции, когда вагон замедлился, я резко поднялся, схватил чемодан и перешёл в другой вагон. Там вышел. Свежий воздух ударил в лицо. Темно. Только одинокий фонарь освещал будку и старый навес. Я посмотрел вслед уходящему поезду. И вместе с ним начали стихать голоса. И мысли. Будто кто-то медленно выключал звук внутри моей головы. Я прошёл несколько шагов и сел на деревянную лавку. «Теперь ждать», подумал я. И я умел ждать. Я был воин. Глаза сами закрылись. Тепло. Июнь. Пахнет лесом. Где-то далеко поют соловьи. Тихо. Спокойно. Слишком спокойно для человека, который недавно жил в другой реальности. Но война научила меня не расслабляться даже в тишине. Слух работал сам. Отделял лишнее от важного. Я слышал топот копыт где-то далеко тяжёлый, неровный. Слышал шаги женщины лёгкие, быстрые. Да, я различал не просто шаги. Я различал шаги людей. По полу. По весу. По намерению. И даже по тому, как человек ставит ногу осторожно или уверенно. Я открыл глаза. И понял, что тишина вокруг стала ещё глубже. Слишком правильной. Как будто кто-то тоже слушает меня. «О солдатик молодой, красивый» пронеслось в голове. Я резко поднял взгляд. Здрасте, сказала она и слегка смутилась. Гнала корову через переезд. Фигура ладная, крепкая, но сама не из тех, на кого оборачиваются. Обычная деревенская женщина. Настоящая. Я проводил её взглядом и вдруг поймал себя на мысли, что здесь удивительно спокойно живут люди. Слишком спокойно для мира, в котором я оказался. Я закрыл глаза. Солнце ещё не поднялось. Только тонкая полоска света пробивалась из-за горизонта. И вдруг шаги. Я даже не открыл глаза. Я уже знал, что это она. Запомнил её шаги. Такие не перепутаешь. Лёгкие, но с привычкой к тяжёлой работе. Ритм жизни, а не случайный шум. «Какой красавчик» снова вспышка мысли. Я открыл глаза. Она шла обратно. Когда поезд? спросил я. Ой, ты не спишь, улыбнулась она, не останавливаясь. Здесь полустанок, поезд только ночью остановиться. Я кивнул. Она тоже улыбнулась. И в тот же момент я услышал другое: «Вот повезло давно нормального мужика не было» Я не подал виду. Может, я у тебя подожду? спросил я. Пойдём, сказала она вслух. И мысли у неё были уже совсем другие: «Хоть не одна хоть по дому поможет мужиков бы нормальных не пьяниц» Мы пошли от полустанка. Дорога была пустая, утренняя, сырая. И вскоре впереди показался хутор три дома, разбросанные среди травы и старых железнодорожных построек. Шпалы, ржавые детали, обломки прошлого всё перемешано с жизнью. Вот мой дом, сказала она. Старый, конечно от железнодорожников ещё. Она показала на покосившуюся постройку. А вон тот пустой. Можешь там пожить. Я посмотрел на дом. И впервые за долгое время подумал: «Лучше бы остался на полустанке.» А следом её мысли: «Может, оставить у себя солдат же один всё равно без женщины, временно хоть» Она даже не смотрела на меня уже раскладывая в голове свою новую жизнь. Я усмехнулся. Ну так я остаюсь? спросил я тихо. Она вздрогнула. Хорошо, сказала она ещё тише. И повела меня в дом. И в её голове уже звучало: «Надо прибраться сейчас подумает, что я неряха где там трусы вчера не постирала» Я остановился на пороге. И впервые понял: чужие мысли это не только правда. Это и есть настоящая ловушка. В них можно утонуть. В них можно захлебнуться. Во дворе послышался звук подъезжающей машины. Потом шаги. Тяжёлые, уверенные. Девушка резко сорвалась с места, побежала к двери и щёлкнула засовом. Надька! Открывай, паскуда! раздалось снаружи. Я водки и консервов принёс! Я не вмешивался. Мне это было не нужно. Чужая жизнь. Чужие правила. Я здесь временно. Мне хватало своих проблем. Но мысли -мысли жили отдельно. И вдруг, как удар: «Вот сука. Закрылась. Придётся лезть в окно. Сегодня будет она моей или пустить ее по кругу. Чего она ломается. Сейчас водкой напою и дело в шляпе. Потом еще и мужикам продам за водку.» Я замер. Это было не вслух. Это было внутри. И принадлежало не мне. Я медленно перевёл взгляд на женщину. Она стояла у двери, напрягшись, будто всё тело стало замком. А снаружи снова ударили в дверь. Открывай, я сказал! И в этот момент я понял: здесь

у каждого есть две жизни. Та, что они показывают. И та, что звучит прямо в голове. И вторая всегда честнее. От услышанных мыслей меня словно взрывает изнутри.

Глава 3

Я не успеваю подумать тело действует само. Рывок. Дверь распахивается. Я выталкиваю его наружу. Ты кто такой?! испуганно бросает он, отступая назад. Вам что надо? спрашиваю я, и голос звучит слишком спокойно. Во дворе стоят ещё трое. Тишина становится плотной, вязкой. Ребята уходят, говорю я, медленно приходя в себя. Но внутри всё уже не под контролем. Мысли накрывают волной. Чужие. И свои старые, выжженные, как эхо прошлого: «Солдаты вы отслужили там будет другая жизнь там нет врагов там просто люди берегитесь там, а то тюрьма» Голос ротного звучит так, будто он стоит рядом. Я пытаюсь удержаться за него, как за якорь. Но поверх него другое. Грязное. Живое. Настоящее. «Пришлёмнем его прикопаем место глухое солдат кто его искать будет, а баба нужна» .Я резко выпрямляюсь. Внутри словно срывает чеку. Мир сужается. Остаётся только удар. Потом ещё один. Крики. Толчки. Тело реагирует быстрее, чем сознание успевает понять. Я не считаю удары они просто происходят. И вдруг резкий удар по голове. Мир вспыхивает белым. Кровь заливает глаза. Звук проваливается куда-то вниз. И наступает тишина. Полная. Глухая. Как будто кто-то выключил меня целиком. Солдатик - солдатик. Я медленно поднял голову. Передо мной её лицо. Васильковые глаза. Русые волосы щекочут мне щёку. Я моргнул. Оглянулся. Пусто. Никого. Уехали, спокойно сказала она. Ты их побил, а тебя приложили по голове дрынком. Она смотрела в сторону и улыбалась, будто говорила о чём-то обычном. Больше не приедут. Ты им хорошо дал. Одного еле утащили. Я попытался вспомнить. Кровь. Удары. Крик. И пустота. И вдруг я понял главное. Я больше не слышу мыслей. Тишина. Настоящая. Глубокая. Как будто кто-то выключил шум внутри моей головы. И от этого стало хорошо. Наверное, наваждение тихо подумал я. Она наклонилась ближе. И поцеловала. Просто, спокойно, без лишних слов. В губы. И в этот момент мир окончательно стал настоящим. Я выдохнул. И впервые за долгое время мне действительно стало хорошо. Я встал, вытер кровь с лица. Она молча налила воды, и я умылся. Голова гудела, тяжёлая, будто внутри кто-то оставил камень. «Ничего и не в таких переделках бывал», подумал я. Раздевайся, я постираю, спокойно предложила она. Я снял китель и рубашку. Брюки были чистыми. Она взяла вещи и начала оттирать кровь с ткани полотенцем, аккуратно, почти заботливо. Я невольно задержал взгляд. Фигура у неё была крепкая, настоящая, женская, без лишней вычурности. Из двери осторожно вышел мальчишка, лет пяти. Он остановился, посмотрел на меня внимательно. Ты солдат? спросил он. Да, ответил я. Ты нас защитишь? Он улыбнулся, будто уже заранее верил в ответ. Да, сказал я. Как тебя зовут? Спросил я. Вадька, ответил он. Женщина обернулась и мягко улыбнулась, наблюдая за нами. И вдруг в этом простом дворе всё стало странно тихим и правильным. Как будто на мгновение война осталась где-то очень далеко. А здесь была просто жизнь. И я в неё каким-то образом оказался вписан. Я стоял, чувствуя, как голова постепенно отпускает боль. Не полностью но уже можно было жить. Девушка повесила мою рубашку на верёвку и на секунду задержала взгляд на мне. Ты сильно их тихо сказала она. Я пожал плечами. Они сами пришли. Она ничего не ответила. Только кивнула, будто это всё объясняло. Мальчишка не отходил от меня. Смотрел снизу вверх, как на что-то большое и надёжное. А ты правда воевал? спросил он. Я помолчал. Слово «правда» зацепилось где-то внутри. Правда, сказал я наконец. Он задумался. А страшно было? Я хотел сказать «да». Хотел сказать многое. Но сказал только: Страшно бывает потом. Он не понял, но кивнул, как будто запомнил. В этот момент ветер прошёл по двору. Лёгкий, тёплый. И на секунду мне показалось будто в голове снова что-то шевельнулось. Не мысли людей. А тень мыслей. Как эхо. Я напрягся. Прислушался. Но внутри было тихо. Совсем. И от этой тишины становилось даже тревожно. Женщина подошла ближе. Пойдём в дом, сказала она. Отдохнёшь. Тебе нельзя сейчас одному сидеть. Я посмотрел на неё. И впервые за всё время не попытался услышать, что у неё в голове. Просто посмотрел. И этого хватило. Мы вошли в дом. Внутри пахло дере-

вом, печью и чем-то простым, настоящим. Мальчишка побежал вперёд, что-то рассказывая сам себе. Я сел на лавку у стены. И только сейчас заметил: руки у меня больше не дрожали. А значит, я снова мог держать оружие. И снова мог выбирать. Жить дальше. Или ждать, пока этот странный мир сам решит, кто я теперь. Мы прошли в дом. Она поставила чайник во дворе на печь и спокойно начала накрывать на стол. Всё было просто: хлеб, вода, немного соли. Жизнь без лишнего. Чайник закипел. Она бросила в него сухую траву. Травяной настой, сказала она, будто немного оправдываясь. Полезно. Я кивнул. Мы поели хлеба с чаем. Молчание между нами было не тяжёлым скорее ровным, живым. Ты откуда едешь? спросила она. Я посмотрел в стол. С войны, ответил я. Она подняла глаза. Как там было? Я выдохнул. Страшно. Она не стала спрашивать дальше. Просто кивнула, как будто этого было достаточно.

Глава 4

После еды она вышла во двор и взялась за дрова. Я молча вышел за ней. Взял топор. И вскоре мы уже работали вдвоём. Дерево трещало, раскалывалось, складывалось в аккуратные поленицы под навесом. А где ты дрова берёшь? спросил я. Она улыбнулась. Вон лес, сказала просто. А это дрова. Я усмехнулся. А пилить как? Помогают люди, ответила она задумчиво, будто это обычная вещь. Я кивнул, не задавая больше вопросов. А магазин здесь есть? Далеко, сказала она. У нас тут всё своё. Потом я спросил: Как тебя зовут? Надя. Мы познакомились так просто, будто знали друг друга давно. Сирота. Осталась с бабушкой, но он умер зимой. Теперь одна. Работает на полставки на полустанке и это её единственная опора. К вечеру я вышел во двор и починил туалет. Потом подлатал крышу. Ничего сложного руки сами помнили работу. К обеду она сварила картошку. Мы поели вместе. И странная усталость накрыла меня мягко, без боли. Глаза сами начали закрываться. Приляжь, сказала она. Отдохни. Она показала на диван. Я лёг. И уснул быстро. Без мыслей. Без шума. Просто как человек, который впервые за долгое время оказался в месте, где ему не нужно выживать каждую секунду. И это было хорошо. Сон был глубокий. Без картинок. Без голосов. Только темнота и тишина такая, какой я давно не знал. И впервые за долгое время внутри не было чужих мыслей. Ничьих. Только мои. Я проснулся от запаха. Дым, печь, свежий хлеб или картошка что-то простое, домашнее. Я сел на диване не сразу, как будто боялся спугнуть это состояние. Тишина. Настоящая. Не та, что перед выстрелом. А другая живая. За окном слышались звуки двора. Птицы. Шаги. Жизнь. Я вышел. Надя была во дворе. Собирала что-то в ведро, волосы слегка растрёпаны, движения спокойные, уверенные. Мальчишка бегал рядом, что-то рассказывал, размахивая руками. Ты проснулся, сказала она, не оборачиваясь. Я кивнул. Долго спал? Почти до вечера, ответила она. Устал ты сильно. Я ничего не сказал. Просто смотрел, как она живёт в этом месте, будто оно её всегда было. И вдруг поймал странное чувство. Будто я здесь не случайно. Будто меня не просто выбросило сюда. А оставили. Как человека, которого больше нигде не ждут. Я попаданец. Мне дали жизнь. Я молод и полон сил. Мне стало хорошо. Из прошлой жизни я помнил что не служил. Значит здесь все по другому. Ну и хорошо. Будет интересной. Мальчишка подбежал ко мне. Ты ещё тут? спросил он радостно. Ещё тут, ответил я. Он кивнул, будто это очень важная новость. Надя подошла ближе. Я на полустанок пойду вечером, сказала она. Смену закрыть надо. Я посмотрел на неё. И впервые подумал: «А если она уйдёт что останется?» Ответа не было. Только ветер, который прошёл между нами. И в этот момент где-то очень далеко, на границе слуха. мне показалось, что я снова что-то услышал. Не мысли. А их отголосок. Очень тихий. Как будто мир ещё не до конца решил, отпустил он меня или нет. Она ушла на полустанок, и мы остались с Вадькой вдвоём. Мальчишка бегал по двору, потом сел рядом, внимательно посмотрел на меня. Тебе не страшно? спросил я. Он нахмурился, как взрослый. Нет. Я большой. Я усмехнулся. Молодец, сказал я и снова взялся за забор. Работа простая, но нужная. Доски, гвозди, перекосившиеся столбы всё это постепенно вставало на место. Время тянулось спокойно. Без мыслей. Без шума в голове. И это было почти непривычно. Когда стемнело, мы поели и легли спать. Вадька быстро уснул рядом, свернувшись клубком. Я лёг на диван. Закрыв

глаза. И почти сразу провалился в сон. Я проснулся от поцелуя. Лёгкого. Тёплого. Её поцелуя. Открыл глаза резко. Комната была тёмная, только слабый свет с улицы ложился на стену. Надя стояла рядом. Молча. Ты пришла? тихо спросил я Она не ответила сразу. Просто посмотрела. И в этом взгляде не было ни слов, ни мыслей только присутствие. Я сел на диване. Сердце било ровно, но сильно. Долго я спал? спросил я. Недолго, сказала она наконец. Пауза повисла между нами. И впервые за всё время я понял: тишина в моей голове это не просто отсутствие голосов. Это дар и его надо восстановить и управлять им.. И он может пригодиться в любой момент. Надя чуть наклонилась ближе. И мир снова стал слишком реальным. Мы обнялись. Руки сами нашли что надо . Не спиши остановила она меня и прикрыв сына шторкой разделась неспеша. Я тоже скинул одежду. Она легла. Я лег на нее . ее большие груди коснулись моей кожи . мой член скользнул ей между ног . У меня был первый секс с девушкой и я быстро кончил прямо в нее. Она быстро меня скинула с себя и достав тазик из под кровати . Стала подмываться. Как все налажено подумал я . Ну да ей надо выживать . И что я . Как я изменю ее жизнь ял не знаю . Она уложила сына в сундук и закрыла крышку . Он не задохнется спросил испуганно я . Нет ответила она засмеявшись он привык . Затем она потянула меня в постель. Я лег на спину и она взяла его в рот и поласкала. Мне стало хорошо м он встал. А в голове роились мысли . Вагон . Полустанок ,Девушка и секс . Вот это приключенья. Подняв его она села на меня и начала качаться . Размеренно и сильно . как будто вбивала сваи., Запрокинув голову она застонала и кончила . Кончил и я . Упав на мою грудь она меня ласкала . Ты поживешь немного спросила ласково она. Конечно ответил я. и мы уснули.

Глава 5

Я проснулся рано, оделся и вышел в лес. Там было хорошо. Пели соловьи, воздух был свежий, как будто вымытый после дождя. «Вот значит как» подумал я. «Новое тело. Афган Это что, другая жизнь?» А что ждёт меня дома? Я вспоминал и помнил: маму, отца, сестрёнку. Всё это осталось там. Всё это было. Значит, придётся прожить всё заново. Спасибо, Боже! закричал я, вспугнув птиц. К Наде шёл уже спокойно. Афган казался страшным сном не хотелось его вспоминать. Подходя к дому, я сразу увидел машину. «Козлик». Опять подумал я. Я прошёл ближе. За рулём сидел мужик пьяный, с перегаром. Я вытащил его наружу и вырубил одним ударом. «Пора кончать», мелькнуло в голове. Мысли работали, как на войне: или я или меня. Я ворвался в дом. В комнате стоял мужик с ружьём на перевес. Увидев меня, он дёрнулся, поднимая обрез. Я упал, перекатился выстрел. Дробь скользнула по спине, обожгла кожу. Удар. Ещё удар. Я снова встал. Он смотрел на меня уже не зло испуганно. Она лежала на полу. Рубашка порвана. У него штаны спущены. Успел выдохнул я. Я быстро собрал их всех его, второго и Надю с сыном и загрузил в машину. Сел за руль, выжал газ. Где больница? спросил я. Доехали быстро. Я сдал её врачам: Изнасилование. Осмотр срочно. Потом милиция. Кутузка. Сижу один. Дверь открылась. Зашёл старлей. Посмотрел внимательно. Ты молодец, сказал он с уважением. С Афгана? Да, ответил я. Он кивнул и повёл меня в кабинет. Домой едешь? В Москву? Да. Придётся подождать. Хорошо. Я подписал протокол. Надя сидела рядом писала заявление. И тогда я понял: в этой истории я победил. Поставил точку. Потом был суд. Их посадили. А я поехал домой. Там меня ждала семья. Память была ясной. Я помнил. Помнил квартиру, подъезд, дверь. Позвонил. За дверью шаги. Сначала быстрые, потом почти бег. И вдруг крик: Сашка приехал! Дверь распахнулась. Мама. Слёзы, руки, голос, который дрожит от радости. Она прижала меня к себе, как будто боялась отпустить. Я стоял и не мог поверить всё это снова есть. Мы прошли в квартиру. Я поел, мы говорили обо всём и ни о чём. Всё было как раньше. Но я-то знал в той, другой реальности этого уже не было. Я дождался вечера и вышел встречать отца. Он шёл по улочке спокойный, задумчивый, как всегда. Я остановился в стороне. «А если не подойду он даже не заметит», мелькнула мысль. Но я не выдержал. Побежал навстречу. Отец! крикнул я. Он поднял голову. Секунда и в глазах узнавание. Сын. Мы обнялись крепко. Молча. Мы скучали друг по другу. В той жизни я жил уже три года без него. Он

умер от рака. Быстро. А здесь он был жив. И я держал его, как будто мог удержать саму жизнь. Я не отпускал его чуть дольше, чем нужно. Отец даже усмехнулся: Ты чего, Сашка вырос уже. А я молчал. Если бы он знал. Мы пошли домой вместе. Он рассказывал что-то простое про работу, про знакомых, про обычные вещи. А я слушал и ловил каждое слово. Раньше я бы пропустил это мимо. Теперь нет. Теперь это было важно. Всё было важно. Я смотрел на него украдкой. Живой. Спокойный. Настоящий. «Рак быстро» стучало в голове. Нет. Теперь всё будет иначе. Я сжал кулаки. Пап, сказал я вдруг. Он повернулся: Что? Я замялся. Не мог же я сказать прямо. Не мог сказать: *«Ты умрёшь от рака»*. Ты давно проверялся? Он нахмурился: В смысле? Ну здоровье. Обследование. Он усмехнулся: Да что со мной будет? Я как бык. Я почувствовал, как внутри поднимается злость. Та самая беспомощная. Надо провериться, сказал я жёстче, чем хотел. Он посмотрел внимательнее. Уже не шутя. Саш у тебя всё нормально? Я отвёл взгляд. Нормально ли? Я живу второй раз. Я видел, как его хоронили. Просто хочу, чтобы ты был рядом подольше, тихо сказал я. Он ничего не ответил. Только хлопнул меня по плечу. Буду, куда я денусь. Я кивнул. Но теперь я знал просто так не будет. Если ничего не делать всё повторится. И впервые за всё это время мне стало по-настоящему страшно. Не за себя. За него.

Глава 6

С того вечера я уже не мог жить, как раньше. Каждый раз, когда смотрел на отца, внутри что-то сжималось. Он смеялся, шутил, ел, пил чай жил. А я видел другое. Больничную палату. Худое лицо. И конец, который уже однажды случился. Нет. Теперь не будет. На следующий день я начал с простого. Пап, давай в больницу сходим, сказал я за завтраком. Он даже не поднял глаз: Сын, не начинай. Это не «начинай». Это надо. Мама посмотрела на меня удивлённо: Саш, что случилось? Я сжал зубы. Ничего не случилось. Просто нужно провериться. Полностью. Отец отложил ложку. Посмотрел прямо. Ты мне объясни нормально с чего вдруг? Я не выдержал: Потому что ты можешь умереть! Тишина. Мама замерла. Отец медленно встал. Ты что несёшь? Я понял перегнул. Но остановиться уже не мог. Я серьёзно. Ты не чувствуешь, но это может быть уже. Хватит! резко оборвал он. В его голосе появилась жёсткость, которой я раньше не замечал. Я здоров. Понял? Нет, не понял! сорвался я. Ты думаешь, это шутки? Думаешь, тебя это не коснётся? Он подошёл ближе. Сашка ты откуда это взял? Я молчал. Сказать правду значит разрушить всё. Промолчать значит снова его потерять. Мне просто страшно, выдавил я. Он смотрел долго. Потом вздохнул. Сын страх плохой советчик. Я сжал кулаки: А бездействие ещё хуже. Мама тихо сказала: Может, правда сходить? Для спокойствия. Отец раздражённо махнул рукой: Да что вы оба. Но замолчал. Я сделал шаг вперёд: Пап. Один раз. Полное обследование. Я прошу. Не как сын. Как человек, который уже терял. Он посмотрел на меня иначе. Внимательно. Глубже. Ладно, сказал он наконец. Сходим. Я выдохнул. Но радости не было. Потому что внутри я знал это только начало. Мы ходили в больницу. Обследование, очереди, запах лекарств, уставшие лица. Начало невоенной жизни. Дома всё было спокойно. Как будто ничего не происходит. Сестрёнка в девятом. Экзамены сдавать не надо, время вроде лёгкое... Отец сидел за столом, пил чай. Когда пойдёшь поступать? спросил он. Никогда, ответил я. Он даже чашку не донёс до рта. Что случилось? Ты ведь хотел. Я отвёл взгляд. Как ему сказать, что скоро всё рухнет? Что дипломы обесценятся, заводы встанут, деньги превратятся в пыль? «Я куплю диплом», мелькнуло в голове. «Главное заработать. Выжить». Передумал, коротко сказал я. Он нахмурился, но спорить не стал. Я посмотрел на него внимательно. Отец ты копишь на машину? Он сразу оживился. Даже улыбнулся: Да. Ещё три года и возьмём. И покатаешь нас, сын. Он верил. Верил в будущее. А я знал этих денег скоро не станет. Ещё год и грянет перестройка. Всё обвалится. И людей просто сомнёт. Я почувствовал, как внутри поднимается тяжесть. Сейчас я должен был сделать выбор. Спасти его или оставить ему мечту. Отец сказал я тихо. Мне понадобятся деньги. Он сразу понял. Лицо изменилось. Не резко медленно. Взросло. Тяжело. Зачем? спросил он. Я посмотрел ему прямо в глаза. Надо.

Он молчал. Я видел, как внутри у него идёт борьба. Эти деньги не просто накопления. Это годы. Это надежда. Это его будущее. И вот теперь его сын, вернувшийся с войны, просит всё это отдать. Саш начал он. Я же копил. Я кивнул. Знаю. Тишина. Часы на стене тикали слишком громко. Мама смотрела на нас, не вмешиваясь. Она чувствовала здесь что-то большее, чем просто деньги. Отец тяжело выдохнул. Ты уверен? Я не имел права сомневаться. Да. Он закрыл глаза на секунду. А потом сказал: Давай подумаем сын. Спешить не будем.. И в этом «ладно» было всё. И боль. И доверие. И любовь. Я опустил голову. Потому что понимал теперь я не просто спасаю его. Я ломаю его мечту. Что делать? думал я. Впереди грядёт война. Перестройка. Хаос. И всё равно многие погибнут. Так зачем жалеть их сейчас? Стать олигархом не хотелось суетно, не моё. Бандитом совесть не позволяла. Оставалось что-то среднее. Где-то посередине. Какая у меня цель для чего мне дали шанс, что я должен изменить? У меня было главное я знал будущее. И еще эти голоса. Но один я ничего не сделаю. Без бригады никак. Я вышел во двор. Как там с друзьями я не знал. Кто-то уже в армии, кто-то женился. Одноклассники просто люди. Дворовые, не помню дружеских отношений. Я был от них уже далёк. Прошёлся между домами.

Глава 7

О, Саня! Привет! Вернулся! услышал я голос. Сиплый. Он был старше меня на три года. Раньше всегда бил меня, отнимал мелочь. Но теперь всё изменилось. Весь двор знал: я с Афгана. И это ставило точки. Сиплый опасливо улыбнулся: Давай выпьем? Я кивнул. Мы зашли во двор, сели. Нас было трое. На всех бутылка «красной». Я поздоровался. Не всех знал, но мы выпили, познакомились. Сначала было нормально. Как дела, кого видел, разговоры не о чем. Ты же с войны как то неопределенно спросил Сиплый, а у нас Нюрка развелась и теперь всем дает представляешь сказал он заискивающе хихикая. Но потом я почувствовал, что-то не так. Я не он. Я другой. И мне с ними не интересно. Я так и сказал. Встал. Посмотрел на их лица. И увидел там не злость. Не обиду. Страх. Потому что я с Афгана. И теперь это было моё оружие. Но мысль о Нюрке засела в голове. потому как попробовав женщину к ней тянет постоянно. Обернувшись я окликнул Сиплого. Он не заставил себя ждать и подошел. Где эта Нюрка? спросил я без объяснений. Сейчас организую прошептал Сиплый и скрылся в темноте. Остальные ребята смотрели в темноту боясь бросить на меня взгляд. Потому что в моих глазах они увидели ужас войны и это их пугало. Отойдя к подъезду я встал у двери вспоминая дворовых девчонок, но Нюру вспомнить не мог. Сиплый обернулся быстро. По дружеский улыбаясь он прошептал готово братан, у все устроил. И мы прошли в соседний подъезд. На пятом этаже дверь была распахнута. Сиплый предусмотрительно остановился на четвертом этаже. Но я не посмотрев на него вошел в открытую дверь и закрыл за собой дверь. На кухне горел свет, я прошел и сел на единственный табурет. Передо мной у темного окна стояла женщина лет 30, в простом платье и с короткой прической. Пытаясь вспомнить ее я прищурился. А ты изменился сказала она задумчиво и Сиплый тебя боится. Как там на войне спросила она. Пойдем ляжем и я расскажу так же обыденно произнес я. Я ее не помнил сколько не напрягал память. Шея, белые груди, запах подмышек все смешалось. Можешь кончать в меня я бездетная прошептала она. И я кончил как будто ждал этих слов. Откинувшись на спину я успокаивал дыхание. Она встала и посмотрев на минутку на меня скрылась в двери. Вернулась она с мокрым полотенцем и обтерла мне промежности. Вот это да подумал я, в это время такой показатель услуг или ей что то надо. Она присела рядом. Я тебя помню первоклашкой произнесла она многозначительно. Тебя обижают спросил я проведя ладонью по ее спине. Она пожала плечами и ответила кто же за меня заступиться и посмотрела мне в глаза. Я помогу тебе сказал я ласково потому что понимал, что без женщины не смогу жить, а заводить отношения в моем положении пока опасно. Она плача бросилась мне на грудь осыпая поцелуями и теребя ладонью мой член. Он быстро откликнулся на ее ласки и она взобралась на меня. Каждая женщина самка, но среди самок есть опытные с рождения вот она относилась к ним. Выкачав из

меня все соки она прилегла на меня разгоряченной грудью. Тебе понравилось спросила она ища в моих глазах знак одобрения. Переплетя воспоминания из прошлого я пришел к выводу что она знала что делала. И ответил ей ты хороша. Она поцеловала меня в грудь. Как там на войне спросила она с интересом. Этот вопрос ставил меня в ступор , кто бы его не задавал . Но ей я ответил когда убил второго человека стало легче , а потом как курам головы отрывал. Она замерла в исступлении от ответа боясь пошевелиться. Потом обняла меня и поглаживая по затылку произнесла а у тебя здесь шишка. Я нащупал пальцем упругую шишку и надавив на нее, вдруг услышал разные голоса. Надавлив еще раз все стихло. Так подумал я значит я киборг и нажав кнопку сосредоточился на Нюре . Как вырос мальчишка проносилось у нее в голове . А в армию уходил такой лапочка был . Застенчивый и смешной , а теперь смотрит словно в душу заглядывает аж страшно , взгляд человека наделенного мудростью прожитых лет. И в сексе опытен не то что эти алкоголики , Достали уже сделали из меня проститутку . Может сказать ему пусть защитит меня . Буду только ему давать и буду хорошо давать , по всякому как захочет . Лишь бы защитил. Отодвинув ее я встал и не прощаясь пошел домой. Голоса еще слышались в голове я пытался их расчленить и это мне удавалось . А когда от утомления заболела голова я отжал кнопку и стало легче и тихо.

Глава 8

Домой я пришёл тихо. Мама дала мне ключи. Я прошёл в ванную, быстро сполоснулся и, вытершись, направился на кухню. Есть не хотелось, но кухня почему-то казалась особенно уютной. Сев на стул у стола, я покрутил в руках конфетку, лежавшую передо мной. По лёгкому шороху я узнал маму. Не спишься? спросил я, не оборачиваясь. Она подошла, села напротив и внимательно посмотрела на меня. У Скворцовых сын пришёл из Афгана. сказала она Так он месяц от теней шарahalся и каждую ночь кричал. Сейчас в больнице. Я мягко взял её руки в свои: Война это испытание. И я его выдержал, мама. Я выстоял и выжил, потому что принял её как должное. Она вздрогнула от этих слов. Но там, на войне, я увидел другую жизнь, мама, продолжил я. Там люди днём торгуют, а ночью становятся врагами. А утром снова улыбаются тебе и даже могут дать в долг. Но это всё в прошлом. Я посмотрел ей в глаза: Мама, я научился жить. Я буду торговать, я смогу. Я вас с папой перевезу к морю, чтобы у вас всё было хорошо. А пока мне нужны деньги, чтобы сделать первый шаг. Понимаешь? Она быстро подошла ко мне и обняла. Какой ты у меня стал взрослый произнесла она гордо. Потом, чуть отстранившись, сказала: Но насчёт института ты подумай. Как без высшего образования? Что соседи скажут вырастили сына и образования не дали? Я обнял её крепче и посадил на колени: Мама, вы ещё будете мной гордиться, сказал я горячо. Затем поднял её на руки. Она ойкнула от неожиданности, и я осторожно поставил её на ноги. Завтра я уеду, мама. Мне нужно встретиться с однополчанами. Один я не справлюсь, хорошо? Да, да ответила она, поглаживая меня. А деньги у тебя есть? Есть, на такие мелочи хватит, ответил я. Мы разошлись спать. Утром я услышал голос отца и вышел на кухню. Он сидел и пил чай. Как дела, дембель? спросил он весело. Хорошо, папа, ответил я, ещё сонный. Я уеду на пару дней. Встречусь с однополчанами тут рядом, в Туле. Позвоню, как доберусь. Хорошо, спокойно сказал отец. Я позавтракал с ними и начал собираться в дорогу. Надел военную форму и на поезде отправился к месту встречи. Всю дорогу я тренировался. Не отдыхал оттачивал. Чужие мысли лезли в голову, как холодные пальцы под кожу. Я учился отсеивать их, сжимать в кулак и отбрасывать. Сначала это был шум бессвязный, липкий, давящий. Потом я начал различать оттенки. Мужские. Женские. Слабые. Злые. Мысли тех, кого я видел и тех, кто находился за стенкой. Иногда дальше. Гораздо дальше, чем это должно было быть возможно. Это было неправильно. Но я уже умел с этим жить. Я выстраивал их в поток, направлял, гасил лишнее. Иногда давил, пока они не затихали, будто их никогда и не было. Кнопка на затылке. Я осторожно провёл пальцем по коже и почувствовал, как что-то внутри откликнулось. Не сразу. Секундой позже. Как будто не я нажимал её, а она позволяла себя нажать. Она не срабатывала от случайных касаний. Ни от

полки, ни от удара, ни во сне. Только от моего пальца. И это пугало сильнее всего. «Хорошее приобретение» подумал я, и мысль прозвучала чужой. Я замер. На секунду мне показалось, что кто-то услышал это вместе со мной. Или подсказал. Я медленно убрал руку. Значит, не просто так я возродился. Но если это дар, то почему он ощущается, как наказание? Я сжал зубы. Не получится прожить эту жизнь налегке, прошептал я едва слышно. Где-то в глубине сознания что-то откликнулось. Не словами. Согласием. Я отвернулся к окну, но отражение на стекле на мгновение запоздало за моим движением. И в этот короткий, почти неуловимый миг я понял это только начало. Сойдя с перрона, я направился к телефону-автомату и набрал номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.